

ЖИЗНЬ ГЕНРИХА АЛЬТШУЛЛЕРА

Тысячи изобретателей в странах СНГ и в Восточной Европе знают имя Генриха Альтшуллера – основоположника теории решения изобретательских задач. Многие тысячи любителей научной фантастики увлекались его легендами о звездных капитанах (он писал под псевдонимом Г. Альтов), его рассказами о героике людей будущего. Но мало кто знает что-либо о самом Альтшуллере, о его жизни. Цель этих воспоминаний – заполнить этот пробел.

Современники недооценивают, потомки переоценивают.

Г. Альтшуллер

Я познакомился с Альтшуллером в 1955 году. Он вернулся из ГУЛАГа год назад. До этого я видел его с самой красивой девушкой Баку. Его умное лицо сохранилось в моей памяти.

Нас познакомил мой институтский товарищ, который сидел с ним на Воркуте. Мы подружились и часто общались до 1979 года, пока я не уехал из СССР. Из его рассказов и рассказов наших общих знакомых сложилась определенная картина его биографии.

Он родился в Баку в 1926 году. Его отец, журналист, приобщил к литературе еще в детстве. Генрих был членом литературного кружка Дома пионеров. Он проявлял интерес к научной фантастике и пробовал писать сам в этом направлении. В 1941, когда началась война, Альтшуллер поступил

в военно-морскую спецшколу. После девятого класса этой школы их направили в военно-фельдшерское училище, но Альтшуллер отказался туда идти. Проведя некоторое время в летном училище, он пошел служить в войска химзащиты. Став сержантом, уже после войны, Альтшуллер продолжил учебу: закончил экстерном среднюю школу и поступил на заочное отделение Индустриального института. По свидетельству знакомых, Альтшуллер не любил «пустые» молодежные вечеринки с выпивкой, танцами и пением. Он сам организовывал встречи, предоставляя каждому участнику выступить на какую-либо тему. На этих встречах возникали и политические споры, и тогда Альтшуллер выступал с резкой критикой существующего режима. Он выражал свои мысли открыто и бесстрашно. Впоследствии КГБ

привлек участников этих встреч как свидетелей обвинения.

Три молодых интеллектуала были ядром собирающихся групп. Это – Альтшуллер, Рафик Шапиро и третьего я назову Аббой (не хочется огорчать его родных тем, что станет понятным из дальнейшего).

Шапиро тоже учился в Индустриальном институте и в заочном Юридическом институте. С Альтшуллером его связывали интересы в области научной фантастики и изобретательства. Они вместе выступали в печати в рубрике «Окно в будущее» и вместе начали изобретать. До ареста они получили десяток авторских свидетельств, вместе участвовали в разных технических конкурсах и получали призы.

Абба был очень способным юношей, знал английский, французский и немецкий языки. Он учился в Педагогическом институте и в заочном Юридическом, готовился к защите кандидатской диссертации. Естественно, его тянуло к таким одаренным людям, как Альтшуллер и Шапиро,

а каждому из них было тогда по двадцать лет.

Получив отказы по первым заявкам на изобретения, Альтшуллер и Шапиро занялись изучением библиотеки авторских свидетельств. Просмотрели тысячи изобретений и увидели что-то общее, присущее всем изобретениям. И у них возникла мысль об идеальном конечном результате – ИКР, они начали обдумывать подходы для успешного решения изобретательских задач.

Вскоре после войны советское правительство согласилось отдать Америке трофейную патентную библиотеку Германии в обмен на металлообрабатывающее, полиграфическое и другое оборудование. Альтшуллер резко осуждал это соглашение. Он говорил, что все это оборудование через двадцать лет пойдет на свалку, а немецкие патенты только тогда начнут жить. Он написал Сталину письмо об этом, а еще разослал девятнадцать копий письма: в ЦК партии, ЦК комсомола, в газету «Известия» и т.п. Вместо ответа его арестовали и обвинили в антисоветской пропаганде. В КГБ пригнали некоторых ребят, и они стали вспоминать «антисоветские» высказывания Альтшуллера. Генрих все эти обвинения разбил, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма. Например, следователь обвинял Альтшуллера в том, что тот утверждал, что Маркс был более велик, чем Энгельс. На это Альтшуллер отвечал, что это утверждал сам Энгельс в речи на похоронах Маркса. А обвинение в создании «антисоветской организации» он отразил ссылкой на ленинское определение политической организации. Допросы проводились вечерами, и следователи в шутку называли их «вечерним институтом марксизма-ленинизма». Тогда они еще шутили, но поняли, что перед ними сильная интеллектуальная натура и решили подготовиться лучше – Альтшуллера освободили, но вызвали в КГБ Шапиро. Уговорами и угрозами пытались сделать его доносчиком. Он категорически отказался. Его отпустили и вызвали Аббу. Ему заявили, что он никогда

не станет кандидатом наук и вообще из КГБ не выйдет без согласия доносить на Альтшуллера и Шапиро. Ему показали окна внутренней тюрьмы КГБ, закрытые щитами от солнца, где он будет находиться в камере-одиночке. После нескольких «сеансов» Абба сдался. Его освободили, и теперь все встречи, анекдоты и разговоры он аккуратно с комментариями посылал в КГБ. Так продолжалось два года. Когда собралось несколько томов таких доносов, Альтшуллера и Шапиро арестовали. Это было в 1950 году.

Первая статья обвинения была за продажу государственных секретов за границу. Они изобрели способ хранения кислорода для дыхания пилотов в самолетных шинах. Были очень горды и ждали солидного вознаграждения, но это изобретение засекретили. Не дождавшись ответа, они написали запрос о судьбе их изобретения. В этом запросе изложили статью Изобретательского права о том, что авторы могут получить разрешение на продажу своего изобретения за границу. Следователи, опираясь на доносы Аббы, сделали вывод, что изобретатели уже связались с иностранной разведкой и продали это изобретение.

По второй статье их обвиняли в попытке пересечь границу под водой Каспийского моря. У них было изобретение на способ получения кислорода из морской воды. А еще они получили первую и вторую

премии в конкурсе на создание защитного костюма при тушении пожаров в шахтах (деньги поступили уже на тюремные счета). Видимо, следователи так же обладали способностью изобретать. Они объединили эти два изобретения: получение кислорода и защитный костюм – и получили костюм для перехода границы под водой. То, что кислорода при этом хватит на пятнадцать минут, никакого значения не имело.

Третья статья была за антисоветскую пропаганду. Сюда вошли все разговоры, записанные Аббой, из которых следовало, что Альтшуллер и Шапиро «крайне опасные антисоветчики».

Четвертая статья обвиняла их в создании антисоветской организации. Три человека, включая доносчика, – чем не коллектив, не организация? Ведь вначале все организации состоят из нескольких человек, а потом они разрастаются и разрушают государство.

Пятая статья – незаконное хранение оружия. Здесь Альтшуллер признал себя виновным. В летном училище у него был друг, фронтовик, который подарил ему трофейный пистолет без патронов. Он погиб в учебном полете. После войны был приказ: всем сдать оружие. Альтшуллер не выполнил этот приказ и оставил пистолет на память о близком человеке.

Вот такую лавину обвинений обрушили на молодых людей, которые еще вчера при всем богатом воображении не могли представить себе такой абсурд, такую нелепость. Они были лояльными гражданами, и если бы случилась вновь война, безоговорочно пошли бы защищать свою родину. И изобретали они для своей страны. И вдруг – на тебе! Враги Родины!

На этот раз в КГБ разработали безошибочный сценарий. В качестве свидетелей прошли все знакомые по встречам, и каждый был проработан в нужном направлении. Были допрошены родители тех молодых людей, в доме которых проходили встречи. Даже сестру Альтшуллера угрозами принудили стать свидетельницей обвинения. Отца Альтшуллера уже не было в живых.

МАТЕРИАЛ ОПУБЛИКОВАН
на сайте «Anti TRIZ-Journal» (<http://www3.sympatico.ca/karasik/>) в 2003 году и предоставлен без права коммерческого использования с любезного разрешения автора и редактора журнала.

Самой красивой девушке Баку была отведена роль второго после Аббы свидетеля обвинения. КГБ командировал ее в Тбилиси. Так как Альтшуллер был человек военный, то «дело»

вела прокуратура Закавказского военного округа, находившаяся в этом городе. В одном купе с этой девушкой оказалась женщина средних лет. Она увидела из окна вагона заплаканных родителей, провожавших девушку, и ее материнское сердце сжимается от горести – видимо, случилось что-то ужасное. Девушка в слезах поведала женщине свою историю. Всю дорогу тетя Паша (так она представилась) успокаивала, утешала и давала советы, как себя вести и что надо говорить, а чего не надо. Через пару лет девушка встретила тетю Пашу в форме майора у здания КГБ в Баку и окликнула ее. Та поспешила войти в здание...

Следствие велось изощренными методами, которые описаны в обширной «лагерной» литературе. Оба отказывались подписывать обвинения, хотя ни разу не виделись. Их перевели в Москву, и они прошли через Лубянку, Бутырку и Лефортово. Менялись следователи, менялись методы.

Был следователь полковник Чернов, который описан в книге Мориса «Приключения американца в России». Этот угрожал и говорил, что у него все подписывают. Он получил орден Ленина за «ленинградское

дело» и показывал тома готового «дела» на И. Эренбурга – они ждут только разрешения Сталина. А такую «мелкую сошку», как Альтшуллер, он заставит подписаться. Ночные допросы изматывали до потери сознания. Днем спать не давали надзиратели, а шум авиационных моторов по ночам под окнами камер-одиночек довершал издевательства.

Другой следователь объяснял, что взгляды Альтшуллера не устраивают власти, человек с такими взглядами может быть опасен в случае войны. Он будет сидеть в камере-одиночке до тех пор, пока не подпишет обвинение, как тот японский принц, который сидит у них уже много лет. А подпишет – отправят в лагерь. Там люди, работа. Там жизнь. Этот следователь часто вызывал Альтшуллера на допрос во время футбольных матчей, и они вдвоем слушали репортажи Сиявского вместо допроса. Иногда следователь угощал Альтшуллера чем-нибудь домашним, и они беседовали на отвлеченные темы. Альтшуллер был убежден, что скоро Сталин умрет и с его смертью все изменится. Он решил дожидаться этого в лагере и согласился закончить «дело». Следователь предоставил возможность писать обвинение самому Альтшуллеру, который делал это с учетом своего прогноза будущих изменений. Следователь обещал «устроить» не более пятнадцати лет и только подправлял написанное. Так после нескольких месяцев ужасной жизни в одиночке Альтшуллер «сознался» в совершенных преступлениях.

Альтшуллера перевели в камеру на двоих. Вторым оказался такой же «бедолага», как и он, и они смогли, наконец, говорить после многих месяцев молчания. Через несколько дней Альтшуллера привели в какую-то комнату. За столом сидел майор. Он спросил фамилию, покопался в портфеле, нашел нужную бумагу и дал ее Альтшуллеру, который прочел, что «Особое совещание» дало ему 25 лет. Майор вызвал следующего, а Альтшуллера повели в комнату ожидания. Где же суд, прокурор, защитник? Ведь следователь обещал пятнадцать лет. Надзиратель

принес его вещи, и среди них он увидел банку варенья – подарок сокамерника. Альтшуллер был тронут до слез. Ведь они больше никогда не увидятся! Чем объяснить такой поступок случайного знакомого? Столько месяцев люди предавали, клеветали, лгали и вели себя бесчеловечно и безучастно. И только в конце этого «судилища» проявилось теплое участие одного человека... Он шел в общую камеру с мыслью ободрить убитых горем заключенных. Эта была та самая камера с полковником румынской разведки в качестве старосты, которая впоследствии была описана Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Он увидел спокойных, нормально разговаривающих людей. Староста познакомился с ним и представил его другим заключенным. Здесь за короткое время Альтшуллер получил представление о жизни эков и ряд советов, наставлений и пожеланий.

В это время в Баку его мать, которая так гордилась талантливым сыном, получила сообщение о том, что ее Генриху дали 25 лет без права переписки. Она не могла это перенести и разбилась, выбросившись из окна. Альтшуллер узнал об этом позже.

Жизнь Альтшуллера в лагере на Воркуте началась с вызова к оперуполномоченному, который пытался завербовать Альтшуллера в доносчики: «как настоящий советский человек» он должен помогать властям лагеря, что будет учтено в дальнейшем. Альтшуллер отказался «в резких выражениях», за что был посажен в карцер. Его послали в угольную шахту. Через некоторое время он отказался работать там – его вновь посадили в карцер.

Одно время в промежутке между карцерами Альтшуллер работал в похоронной команде: несколько тощих эков толкали вагонетку с мертвыми к кладбищу, которое находилось в двух километрах от лагеря, по общей железной дороге. Если появлялся поезд (в лагерь вела всего лишь одна колея), приходилось сбрасывать вагонетку с дороги,

а после прохода поезда ставить тяжелую вагонетку на рельсы и вновь укладывать в нее мертвых.

А умирало очень много: от плохого питания, от тяжелой работы, от болезней. От цинги Альтшуллер ел сырой картофель, как описано у Джека Лондона. С Альтшуллером работал старый меньшевик Абрамович, который один выжил из этапа 1937 года в 2000 человек. Из более поздних этапов в несколько тысяч оставалось по 5–10 человек. Воркутинский лагерь был построен на костях – не образно, а на самом деле. Весной, когда таял снег, насыпь железной дороги выставляла напоказ слои человеческих костей. Однажды эки рыли траншею от одного барака к другому. На глубине около полуметра наткнулись на человеческие кости. Возмущенные люди отказались копать. Их посадили в карцер. Но чтобы этого не увидели остальные эки, которые поднимались из шахты после смены, собрали всех надзирателей и быстро засыпали эту траншею.

Альтшуллер хотел работать в соответствии со своим образованием, ведь его забрали с четвертого курса института, но его по-прежнему посылали на общие работы. Он отказывался и опять попадал в карцер. Так продолжалось много раз, пока ему не поручили «изобрести» вращающуюся сцену для лагерной самодеятельности. Он попал в производственный отдел шахтоуправления. Затем помогал новому библиотечарю, еврейскому поэту Тейфу, которого посадили за еврейский «национализм». Альтшуллер учил Тейфа основам горного дела, и хотя в библиотеке были только книги по горному делу, он чувствовал себя уже на своем месте. Да и Тейф вызвал удовлетворение. «Еврейский народ не обречен на вымирание. Если старик Тейф, имея срок пятнадцать лет, так рьяно штудирует «Горное дело», то за евреев можно не беспокоиться», – говорил Альтшуллер Тейфу.

Был в лагере один еврей, знающий иврит. Альтшуллер взял несколько уроков. Иврит шел легко – как он говорил, это простой язык, как все

древние языки. Но он не видел в нем нужды и прекратил занятия.

Одно время Альтшуллер занялся высшей математикой – считал, что когда-нибудь сможет закончить институт. Но, дойдя до интегрального исчисления, бросил заниматься – условия жизни в лагере не способствовали серьезному образованию.

Он вспоминал, как один из заключенных, бывший начальник шахты, при слове интеграл менялся в лице. На его шахте молодой инженер применил интегралы для расчета шахтного свода. Свод рухнул, а им дали по пятнадцать лет за диверсию. После этого он не хотел слышать об интегралах...

К сожалению, Альтшуллер не попал в шарашку, где собирали специалистов-профессоров, доцентов, инженеров для работ над какими-либо проектами. Такое окружение помогло бы ему получить полное инженерное образование и инженерный диплом после выхода на свободу, как это вышло у Шапиро. Но тогда Альтшуллер видел свое будущее в литературе, в научной фантастике.

Работа во всяком производственном отделе шахты, стройки или завода далеко не творческая. Она связана с подсчетами объемов выполненных работ и подготовкой к предстоящим работам. Труд в Воркутинском лагере мало чем отличался от труда рабов в Древнем Египте. Механизированы были только подъемники для угля и людей и буровзрывные инструменты. Добытый уголь перевозили в тачках или вагонетках вручную и перегружали в вагонетки побольше, запряженные лошадьми, в основном, «старыми клячами». Да и тех не хватало.

Везде применялся ручной труд, и Альтшуллер не мог проявить свои изобретательские способности. На технических совещаниях, где он бывал, как правило, обсуждались сиюминутные проблемы, связанные с дефицитом материалов и инструментов. Главный инженер, старый эк, открывал совещание словами: «Первое предложение обсуждать не будем, сразу переходим ко второ-

му». Старый меньшевик Абрамович пояснил Альтшуллеру, что под первым предложением понимается ликвидация Советской власти. Вторые и последующие предложения сводились к хозяйственным вопросам. Ни новая техника, ни механизация и автоматизация, ни тем более изобретательство на таких совещаниях никогда не рассматривались. Можно считать, что пять лет жизни были украдены у Альтшуллера, и это молодые годы, когда творческие люди дают самый «высокий урожай».

Сказанное относится и к научной фантастике. Жил Альтшуллер в общем бараке, где размещалось больше сотни человек. Спали на двухъярусных койках. Люди были разные, как интеллигентные, так и неграмотные. В большинстве своем «двадцатипятилетники». Рядом с Альтшуллером могли оказаться бывший полицейский оккупированного городка и бывший секретарь обкома, немецкий зубной врач, который во время войны был начальником концлагеря, и простой крестьянин из Баварии, бывший эсэсовец, очень дисциплинированный, всегда готовый выполнить любой приказ. Такие, не задумываясь, расстреливали людей. В бараке после работы стоял сильный шум: кто-то стучал костяшками домино, кто-то ругался и дрался, кто-то пел песни. Обстановка была явно не творческой. Прошло немало времени, прежде чем Альтшуллер научился размышлять и заниматься в таком «бедламе».

У него зародилось несколько научно-фантастических сюжетов. Чтобы сделать из них художественные произведения, требовались книги, журналы, справочники. Их можно было заказать через оперуполномоченного. И чтобы писать, надо было получить разрешение у того же оперуполномоченного. Но Альтшуллер не мог просить ненавистного ему человека... Все сюжеты были заморожены до счастливых времен.

Наконец умер Сталин. Заключенные всех лагерей ГУЛАГа ликовали втихую и передавали друг другу: «Йоська дубаря дал!» Некоторые надзиратели плакали, и при них было опасно радоваться открыто.

Была объявлена амнистия пятилетникам. На их лагерь в Воркуте с таким сроком оказался только один. Это был мой институтский товарищ В. Антонов, который и познакомил меня с Альтшуллером впоследствии. Зэки ждали дальнейшего «потепления». Освободили врачей, проходивших по лживо-идиотскому «делу врачей». Арестовали Берию, и еще больше выросли надежды у зэков и их родных на воле.

Фотография с японского сайта www.osaka-gu.ac.jp

В это время отец Р. Шапиро написал Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, просьбу о помиловании его сына, и была дана команда – пересмотреть «дело». В 1954 году Альтшуллера и Шапиро привезли в Тбилиси, где начинали допросы пять лет назад. Когда Альтшуллера вели в камеру, в коридоре ему встретился полковник Чернов, тот самый, который силой пытался вырвать у него признания. Альтшуллер тут же объявил голодовку и заявил, что, пока Чернова не арестуют, он никаких показаний давать не будет. Это была неслыханная дерзость. Но, видимо, на этого Чернова было много жалоб, а, может быть, в связи с пересмотром знаменитого «ленинградского дела» и других дел, Чернова действительно арестовали. Хмурый начальник тюрьмы показал документ об этом, и Альтшуллер прекратил голодовку. В книге «Приключения американца в России» говорится, что Чернов получил пятнадцать лет заключения и отсидел весь этот срок.

И началась процедура пересмотра. В просторной комнате за длинным столом сидели члены комиссии. По краям за отдельными столами сидели напротив друг друга Альтшуллер и Абба. Он был единственный из свидетелей. Абба знаками показал Альтшуллеру, что ему заменяют 25 лет на пять. Альтшуллер показал Аббе фигу и дал понять, что он будет добиваться освобождения.

Прочли первую статью обвинения – продажа государственных секретов за границу. Свидетель по памяти повторил старые показания. И, о чудо! Комиссия не нашла в них никаких доказательств преступления. Чувствовалось, что в режиме что-то меняется. Наступало время, которое Эренбург назвал оттепелью.

Прочли вторую статью – попытка перехода государственной границы. Здесь комиссия сама установила, что с помощью предполагаемого устройства переход границы под водой технически невозможен.

По третьей статье – антисоветская пропаганда – свидетель не смог вспомнить огромного количества своих записей, сделанных более пяти лет назад. На вопрос, в чем заключалась эта пропаганда, свидетель отвечал, что Альтшуллер рассказывал антисоветские анекдоты. Он указывал место и положение людей и вещей, когда Альтшуллер рассказывал их, но ни один анекдот вспомнить не мог. Комиссия уже склонялась к тому, что невозможно квалифицировать эти анекдоты как антисоветские, так как свидетель забыл их содержание. И тут Альтшуллер заявил, что вспомнил один из них. На лицах членов комиссии выразилась досада. Председатель сказал, что нет необходимости вспоминать. Но Альтшуллер настоял на своем праве обвиняемого, и ему разрешили рассказать. Вот этот анекдот. Берия спросил у Эйзенхауэра: «Как американцы охотятся на тигров?» Тот ответил: «Посылаем на джунгли тысячу летающих крепостей. Они бомбят. Затем посылаем туда тысячу грузовиков, и они привозят тысячу убитых тигров». Берия заметил: «Это очень дорого. Мы делаем проще. Ловим тысячу зайцев, и они все

сознаются, что они тигры». На какое-то мгновение наступило неловкое молчание, а затем взрыв смеха отбросил неловкость. Председатель комиссии, подавив улыбку, объявил, что эта статья обвинения отменяется.

Обвинения по четвертой статье – создание антисоветской организации – были сняты, так как ни один довод свидетеля не подходил под эту статью.

Оставалась статья о незаконном хранении оружия. Были приняты во внимание доводы Альтшуллера, что пистолет не имел патронов и поэтому не представлял никакой опасности, что этот пистолет являлся памятным подарком погибшего фронтовика и что уже прошло пять лет – максимальный срок наказания за такое преступление. Комиссия сняла также и это обвинение.

Таким образом, все пять статей обвинения были сняты, и Альтшуллер был освобожден из-за отсутствия улик. Не реабилитирован, как пишут о нем теперь, а именно освобожден как незаслуженно арестованный. Так же был освобожден и Шапиро. Оба они подписали бумагу о том, что не будут преследовать бедного свидетеля Аббу, который против своей воли стал доносчиком. Получив необходимые документы, они одновременно покинули тюрьму и здесь, напротив дверей тюрьмы, встретились. Не виделись пять лет...

В Баку Альтшуллеру предложили стать мастером на канатном заводе – это КГБ постарался его трудоустроить. Из родных осталась замужняя сестра, от которой он отказался за ее обвинительные показания. В квартире после смерти матери поселились чужие люди. Средств на жизнь не было. И он пошел на канатный завод. Зарплата была небольшая, половина ее уходила на съем комнаты или угла для ночлега. Альтшуллер потребовал свою квартиру через суд. Решение суда было «соломоново»: «Квартиру передать Альтшуллеру, для чего Бакгорисполком должен выделить проживающим в ней жильцам другую квартиру». С этим решением

Альтшуллер обратился в Бакгорисполком. После изрядной волокиты он понял, что свою квартиру он получит не скоро, а точнее, через 105 лет. Такую цифру дало сравнение числа строящихся квартир в год с числом нуждающихся. И Альтшуллер махнул рукой.

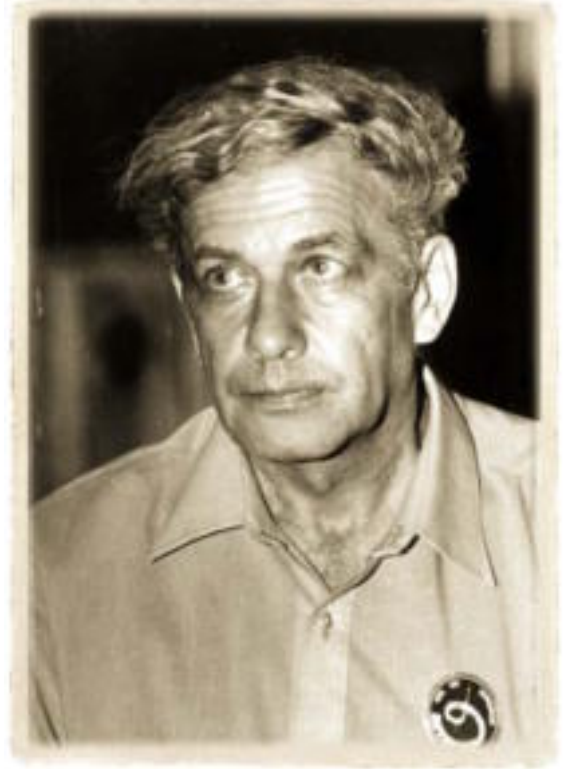
Работа мастера цеха далеко не инженерная. Это скорее хозяйственная работа. Надо быть гибким, уметь идти на компромисс, уживаться с людьми, как с рабочими, так и с начальством. Все это Альтшуллер ненавидел. Кроме того, работа мастера не оставляла времени для занятий научной фантастикой и изобретательством.

Альтшуллер ушел с завода. А на какие «шиши» жить? Альтшуллер писал статьи в газеты, стал штатным корреспондентом газеты «Бакинский рабочий» и даже для одного почвовед написал кандидатскую диссертацию. Этот почвовед учился в азербайджанской школе и плохо знал русский язык. Он проделал опыты с грунтами в одном районе, но не мог изложить свои результаты. Альтшуллер прочел несколько диссертаций по почвоведению, изучил результаты опытов этого почвовед и написал такую прекрасную диссертацию, что после успешной защиты многие предполагали, что диссертацию писал по меньшей мере профессор почвоведения. К Альтшуллеру стали обращаться другие – он мог иметь большие деньги, но отказался от такой деятельности: один раз он еще мог пойти на это из-за куска хлеба. Он должен заниматься научной фантастикой и изобретательством. В разные журналы пошли его первые рассказы. Вместе с писателем Фелицыным написал книгу «Тайна тройного удара». Он продолжил изучение описания изобретений по «Бюллетеню изобретений», начатое еще в 1946 году. Альтшуллеру было интереснее работать над способами, как изобретать, над путями решения изобретательских задач, чем над любыми конкретными изобретениями. Вместе с Шапиро он написал первую статью на эту тему, которую опубликовал журнал «Вопросы психологии» в 1956 году.

Альтшуллер жил холостяком, не общаясь со старыми знакомыми, которые в той или иной степени помогли засадить его. Более мягкий Шапиро навесил Аббу и выслушал поток оправданий. Альтшуллер даже слышать о нем не хотел. Самая красивая девушка, которая была замужем и жила в другом городе, узнав об освобождении Альтшуллера, развелась и вернулась в Баку. Он же не смог простить ее. Среди новых знакомых были девушки. Одна из них готова была выйти за него замуж, и он честно рассказал ей свою историю. Ее отец, подполковник КГБ, сказал: «Только через мой труп!»

Однажды летом 1957 года я пригласил Альтшуллера и Антонова к себе. Хотя моя жена с ребенком были в отъезде, Альтшуллеру понравился порядок и убранство нашей небольшой однокомнатной квартиры. Мы по очереди искупались в душевой, смыл с себя зной жаркого бакинского дня. Настроение у всех было приподнятым, и Альтшуллер сказал: «Теперь я вижу, как хорошо быть семейным человеком. Вот сейчас выйдем, и я сделаю предложение первой же девушке». Через полчаса мы познакомились с двумя девушками. Одна из них понравилась Генриху, и он рассказал ей о своем обете. Это была Валентина Журавлева. Понадобилось несколько дней, чтобы Валентина и ее родители смогли переварить необычные эпизоды биографии Альтшуллера и дали согласие на брак.

Замминистра строительства Азербайджана Я. Измайлов создал бюро технической помощи и пригласил Альтшуллера вести в нем изобретательство и рационализацию и выпускать журнал «Бюллетень строительства». Испытывая финансовые затруднения, Альтшуллер согласился работать три дня в неделю при полном окладе. В то время он много писал: научно-фантастические рассказы, статьи по вопросам изобретательства. Те три дня, что он работал в бюро техпомощи, были очень насыщены. Он поражал нас своей работоспособностью, организованностью и высоким КПД. Как-то министр поручил ему составить

годовой отчет по министерству. Срок – пятнадцать дней и все отделы министерства в помощь. Альтшуллер сказал: «Дайте машинистку, и я сделаю этот отчет за три дня». Через три дня он положил готовый отчет на стол пораженному министру.

Мою первую статью он отредактировал так хорошо, что она стала для меня образцом того, как надо писать научные статьи. Мой школьный товарищ занимался ледниками Кавказа, и газета Махачкалы помещала его небольшие статьи на эту тему. Однажды он решил послать свой рассказ в журнал «Знание – сила» и попросил меня показать его Альтшуллеру. На следующий день автор увидел свой материал, отредактированный красным карандашом, и этого красного было так много, что он вообще отказался от писательства.

Вместе с тем Альтшуллер не выносил бюрократизма и ненужной писанины. Министр и его замы направляли ему массу писем. Альтшуллер придумал «трехгвоздевую систему», как он ее называл. Сбоку стола он вбил три гвоздя. Все проходящие бумаги он вешал на первый гвоздь и не трогал их. Те бумаги,

про которые спрашивали, он перевешивал на второй гвоздь и только. На третий гвоздь попадали лишь те бумаги, о судьбе которых спрашивали еще раз. И он работал только с бумагами, попавшими на третий гвоздь. В результате порядка сорока процентов всех бумаг оставалось

на первом гвозде, около тридцати процентов оставалось на втором. Мы перенимали его стиль работы. К тому времени Альтшуллер уже создал свою методику решения изобретательских задач, и мы стремились применять ее даже в быту. ИКР стало нарицательным выражением. Уже были опубликованы его статьи в журналах «Советское государство и право», «Изобретатель и рационализатор», «Знание – сила». Но еще большего успеха он достиг в научной фантастике. В этом деле его единственным помощником стала его жена Валентина Журавлева.

После женитьбы Альтшуллер предложил Журавлевой поменять профессию врача (она только что закончила медицинский институт и еще не начала работать) на профессию литератора. Он составил программу занятий по литературе, и под его руководством Журавлева быстро овладела основами литературы. Вскоре они вместе стали писать рассказы. Чтобы не давать антисемитам никакого повода, рассказы шли под одной фамилией Журавлевой. Одновременно выходили рассказы Альтшуллера под псевдонимом Альтов.

В писательских кругах появились разные подозрения, вплоть до того, что Журавлевой вообще не существует. Союз писателей командировал в Баку писателя Овчинникова. «Так Валентина Журавлева действительно существует?!» – воскликнул Овчинников, когда она открыла дверь. В беседе Журавлева проявила себя как полноценный специалист – двери издательства широко распахнулись.

Вместе с тем Альтшуллер уже тяготился работой у нас в бюро. У него появились договоры с разными журналами на рассказы по научной фантастике. Времени не хватало, и он объявил об уходе. Замминистра предложил ему работать один день в неделю при полном окладе, но он отказался. Мы сожалели – с ним было интересно. Его научно-фантастические рассказы привлекали молодежь. Его легенды о звездных капитанах принесли сотни писем восторженных поклонников. Семинары по изобретательству, как правило, сопровождалось обсуждением проблем научной фантастики и литературы вообще. Его взгляды расходились с официальной идеологией, с «соцреализмом». На вопрос «Почему вы не пишете книгу о настоящем?» он отвечал: «Я уже имел один раз 25 лет, больше не хочу. Поэтому я пишу о будущем, что не дает основания для какого-либо обвинения».

И все же такие обвинения были. Так, «Воениздат» долго не печатал один его рассказ. Когда Альтшуллер, будучи в Москве, зашел в редакцию,

то генерал – главный редактор – объяснил свою позицию так: «Ваш рассказ о трагедии американского летчика при испытании военного самолета в будущем интересен. Но ведь он может вызвать нежелательные мысли у наших летчиков при испытании самолетов в настоящем». Потом все же рассказ напечатали.

Был год, когда Альтшуллера печатали больше всех писателей. Ему стали платить гонорар по самой высокой ставке, как Шолохову, Паустовскому.

Как-то его вызвали в военкомат: «Поедете на военные сборы. Вот эту бумагу отнесите на работу, вам оплатят месяц пребывания в армии».

«Я нигде не работаю», – ответил Альтшуллер.

«Как так? В Советском Союзе кто не работает, тот не ест», – удивились офицеры.

«Я – писатель», – сказал Альтшуллер.

«Принесите справку из Союза писателей».

«Вот моя справка», – Альтшуллер показал на чемодан, который положил на стол. – «Я не член Союза писателей». В чемодане были опубликованные книги, рассказы, статьи Альтшуллера. После беглого просмотра решили освободить его от военных сборов и только спросили: «А почему вы не член Союза писателей? Ведь туда принимают за несколько рассказов, а у вас их целый чемодан»... «Не приглашают», – ответил Альтшуллер.

В Союз писателей принимали по месту жительства. Для этого надо было обратиться с просьбой, чего Альтшуллер сделать не мог. Его уже приглашали на заседания Союза писателей в Москву, где он выступал с докладами по научной фантастике, не являясь членом этого Союза. Видные писатели страны советовали бакинским коллегам принять Альтшуллера и Журавлеву в их Союз. Наконец, в Баку предложили им вступить в него. Зная строптивый характер Альтшуллера, дома решили, что первой на приемном заседании выступит Журавлева. Так и сделали. Она вначале рассказала о себе, а затем ответила

на вопросы. Настроение у местных писателей было доброжелательное, и ее приняли в Союз без каких-либо эксцессов. Затем вышел Альтшуллер. Рассказ о себе прошел гладко, а при ответах на вопросы вспыхнула дискуссия. Ему стали задавать вопросы типа: как он отражает роль партии и комсомола в своих рассказах, почему он не показывает развитие колхозного движения в будущем. Вначале Альтшуллер отвечал сдержанно, но затем разозлился и превратил свои ответы в резкую критику взглядов местных писателей. Выступил «классик армянской литературы» и обвинил Альтшуллера в игнорировании указаний партии.

Альтшуллер сказал: «Назовите хоть одно научно-фантастическое произведение, которое вы прочли».

Но Альтшуллер несколько не унывал. Теперь он получал такие гонорары за фантастику, что мог распространять теорию изобретательства по всему Советскому Союзу самым непосредственным образом. Он начал массовое обучение изобретательскому мастерству. Первый опыт был поставлен на заводе «Красный металлист» в Ставрополе. Затем он проводил семинары на предприятиях Москвы, Баку, Тамбова, Новосибирска. В 1959 году его поддержала газета «Комсомольская правда».

В другие города на семинары и на совещания по вопросам изобретательства Альтшуллер ездил за свой счет – на гонорары от научной фантастики. Предприятия платили ему по самым низким ставкам – он не имел никаких ученых степеней. По его работам уже писались кандидатские диссертации, к нему обращались аспиранты, как свои, так и из стран Восточной Европы, а он по-прежнему был просто Альтшуллер (хотя немцы в письмах величали его как Herr Professor).

Вместо ответа «классик» тяжело задышал и выбежал на балкон, держась за сердце. Затем выступил «патриарх» азербайджанской литературы с теми же обвинениями. Альтшуллер обратился к нему до того, как тот закончил говорить. «Патриарх» поднял глаза и сказал: «Меня перебили?!»

В зале поднялся шум. Писатели зашикали, загалдели, стали что-то выкрикивать. Альтшуллер направился к выходу и, подходя к двери, услышал, как председатель предложил не принимать его в Союз. Все, как один, подняли руки. Говорили, что это был единственный случай за все годы существования этого Союза.

Она рассказала о практических результатах методики Альтшуллера. Затем журнал «Изобретатель и рационализатор» изложил основные принципы теории изобретательства, разработанные Альтшуллером, и провел дискуссию об этом. Вышла из печати его книга «Как научиться изобретать». Альтшуллер организовал опросы изобретателей с помощью анкет. Его интересовали результаты своего труда, и после анализа ответов он провел второй опрос, охватив изобретателей из 180 городов. Затем вышла его книга «Основы изобретательства». Его семинары, статьи и книги помогли «сделать» более двух тысяч изобретений.

И вот Саратовский педагогический институт предложил Альтшуллеру защитить кандидатскую диссертацию. Он поблагодарил и ответил, что у него нет диплома о высшем образовании, без которого невозможно стать кандидатом наук.

Академик Мирзаджанзаде предложил Альтшуллеру помочь закончить четвертый и пятый курсы института, получить диплом инженера, защитить кандидатскую диссертацию, после чего преподавать теорию решения изобретательских задач на курсах повышения квалификации для инженеров. В дальнейшем возможно создание кафедр изобретательства в Азербайджанском институте нефти

В 1997 году по инициативе основоположника ТРИЗ Г. С. Альтшуллера была создана Международная Ассоциация ТРИЗ.

В настоящий момент в МА ТРИЗ входит 33 общественные организации ТРИЗ из России, Беларуси, Латвии, Эстонии, Украины, США, Перу, Франции, Израиля, Кореи, а также Европейская Ассоциация ТРИЗ.

и химии под началом Альтшуллера. Он опять поблагодарил и сказал, что не может тратить время на получение зачетов, сдачу экзаменов, выполнение курсовых и дипломного проектов и написание диссертации только для того, чтобы получить формальные документы для постоянной высокой зарплаты. Ему хватает того, что дает научная фантастика. Лучше он потратит время на дальнейшую разработку теории изобретательства и на обучение людей методам этой теории. Мы, его друзья, обещали ему помощь и уговаривали согласиться. Но Альтшуллер был непреклонен, а о помощи даже слышать не хотел.

К тому времени Альтшуллер уже проанализировал пять тысяч описаний изобретений и на их основе создал типовые приемы решения целого ряда изобретательских задач. Он пришел к твердому убеждению, что изобретать можно научить даже учеников старших классов. С этой целью Альтшуллер начал вести занятия в общественной школе изобретательства в Баку и в Доме юных техников в Москве. В газете «Пионерская правда» вел рубрику «И тут появился изобретатель», в которой предлагались различные изобретательские задачи. Тысячи ответов с решениями этих задач «Пионерская правда» мешками пересылала Альтшуллеру. Несмотря на чрезвычайную занятость, он скрупулезно анализировал эти ответы, классифицировал их и систематически посылал отчеты в газету.

Альтшуллера очень интересовала психология изобретательского поиска, например, у старших школьников, и он придумывал различные технические задачи для них. Ребятам из Дома юных техников в Москве он, например, давал задание установить судьбу фантастических идей Жюль Верна или Беляева. Какие из этих идей сбылись, а какие – неосуществимы?

Будучи человеком честным, он терпеть не мог плагиат или халтуру в произведениях научной фантастики. Если он обнаруживал у какого-либо писателя чужую идею, то открыто выступал с критикой. Редакторы издательств оправдывались тем,

КНИГИ Г. С. АЛЬТШУЛЛЕРА

- Альтшуллер Г. С. О психологии изобретательского творчества/Альтшуллер Г. С., Шапиро Р. Б.//Вопр. психологии. – 1956. – № 6. – С. 37-49.
- Альтшуллер Г. С. Как научиться изобретать/Г. С. Альтшуллер. – Тамбов: Кн. изд. 1961. – 128 с.
- Альтшуллер Г. С. Основы изобретательства/Г. С. Альтшуллер. – Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1964. – 240 с.
- Альтшуллер Г. С. Алгоритм изобретения/Г. С. Альтшуллер. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Моск. рабочий, 1973. – 296 с. 1-е изд. – 1969.
- Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука: Теория решения изобретательских задач/Г. С. Альтшуллер. – М.: Сов радио, 1979. – 175 с. – (Кибернетика).
- Альтшуллер Г. С. Крылья для Икара: Как решать изобретательские задачи/Г. С. Альтшуллер, А. Б. Селюцкий. – Петрозаводск: Карелия, 1980. – 224 с.
- Альтшуллер Г. С. Поиск новых идей: От озарения к технологии: (Теория и практика решения изобретательских задач)/Г. С. Альтшуллер, Б. Л. Злотин, А. В. Зусман, В. И. Филатов. – Кишинев: Картя молдавенеска, 1989. – 382 с.
- Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в теорию решения изобретательских задач/Г. С. Альтшуллер; Отв. ред А. Н. Дюнин; СО АН СССР. – 2-е изд. испр. и доп. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 224 с. – (Наука и технический прогресс). 1-е изд. 1986.
- Альтшуллер Г. С. Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности/Г. С. Альтшуллер, И. М. Верткин. – Минск: Беларусь, 1994. – 479 с.
- Альтов Г. И тут появился изобретатель.../Г. Альтов. – М.: Дет. лит, 2000. – 160 с. 1-е изд. – 1984, 2-е изд. – 1987, 3-е изд. – 1989.
- Альтов Г. Летящие по Вселенной/Г. Альтов, В. Журавлева. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 839 с. – (Классика отечественной фантастики).

что не могут знать всех ранее опубликованных идей. И Альтшуллер начал работу по регистрации и классификации этих идей. Он прочитал все произведения с самого зарождения научной фантастики. Результаты печатал на машинке в виде сборников, которые называл «Регистрами научно-фантастических идей». Два-три экземпляра «Регистра» он посылал знакомым. Кто-то перепечатывал их на ротапринте (очень трудно было в те годы что-либо размножить без ведома цензуры) и рассылал своим знакомым. Потом мы узнали, что эти «Регистры» продаются «из-под полы» по 25 рублей. Теперь как писатели, так и редакторы могли знать об уже опубликованных идеях. Работа по составлению регистров проводилась пять или шесть лет. В результате анализа нескольких тысяч произведений Альтшуллер создал патентный фонд фантастики и разработал принципы генерирования новых идей.

Для борьбы с халтурой Альтшуллер учредил приз за худшее произведение года. Он покупал пластикового крокодила, устанавливал его на деревянный круг и накрывал все это прозрачной полусферой. Затем посылкой отправлял в московский Дом юных техников, где ребята присуждали этот приз и направляли

«лауреату». Как рассказывал Альтшуллер, мнения ребят совпадали с его мнением, за исключением одного случая, когда такой приз был присужден начинающему автору, – Альтшуллер считал его перспективным.

Критика Альтшуллера давала плоды: одни авторы писали лучше, другие бросали эту деятельность. Так, писатель-фантаст Парин после открытой критики Альтшуллера вообще перестал писать научно-фантастические романы и перешел на повести о путешествиях.

Однажды Альтшуллеру прислали открытку с приглашением в одну из бакинских гостиниц. Его высокомерно встретил представитель киностудии им. Довженко. Он без предисловий положил на стол бумагу и сказал: «Мы решили экранизировать одну из ваших легенд о звездных капитанах. Сценарий уже готов. Подпишите вот здесь о согласии. Плату получите после утверждения».

Альтшуллер не переносил любое хамство. Видимо, этот представитель считал, что «какой-то» Альтшуллер будет осчастливлен таким предложением.

«Киностудия Довженко после войны не выпустила ни одного хорошего фильма, – сказал Альтшуллер. – Исключение составляет

фильм «За двумя зайцами». И тот сделан по старому классическому сценарию. Я не хочу, чтобы мое произведение было испорчено. Я не доверяю вашим сценаристам и ничего не собираюсь подписывать».

Представитель застыл от удивления. Он не ожидал такого ответа и дал «задний ход»: «Мы пришлем вам сценарий для согласования. Мы еще...»

«Ничего мне не присылайте. Я вообще не желаю иметь с вами дело», – прервал его Альтшуллер и вышел.

Альтшуллер не страдал излишней скромностью. Он считал, что делает очень важное дело для страны. То, что государственные организации не обращают внимания на его труды, он объяснял косностью руководителей. Мы знали и другую причину. Одна из почитательниц Альтшуллера пыталась убедить руководителя советских профсоюзов в важности его работ. «Мне непонятно, что заставляет вас, русского человека, принимать участие в делах этого еврея?» – спросил этот руководитель.

Академик Кедров, директор института истории науки и техники, предложил Альтшуллеру выступить на заседании ученого совета института о теории изобретательства. В вестибюле Альтшуллер прочел, что будут два вопроса. Первый – его доклад, второй – о советском приоритете трудов Бруно Понтенорво. Последний работал физиком-экспериментатором в Италии, Канаде, Англии, откуда тайно бежал в Советский Союз в 1950 году. Здесь он продолжил работы по физике и внес вклад в советский ядерный потенциал.

Прочитав о советском приоритете, Альтшуллер вспомнил о периоде «борьбы» за приоритет советской науки, о лагерях и тысячах «безродных космополитов». Он тут же захотел уйти. С большим трудом

заставил себя выступить. Ему задали вопрос: «Какую роль он отводит себе в создании теории изобретательства?» «Такую же, как у Дарвина в биологии или как у Маркса в политэкономии. Роль основоположника», – ответил Альтшуллер. – «Может быть, вы знаете кого-то еще с приоритетом в этой теории?»

Больше вопросов не было, и Альтшуллер вышел из зала. Он не остался на второе выступление...

В 1964 году Альтшуллер и Шапиро начали писать книгу о том, как проводились их допросы. Они не виделись, а следователи говорили каждому из них, что другой уже сознался. Каждый вел психологическую борьбу и не поддавался на ложь. Книгу предполагалось сделать в виде допросов каждого. Книгу одобрили, с ними заключили договор и выплатили сорок процентов гонорара. Собирались закончить ее в 1965 году. Вдруг их вызвали в Москву, и директриса издательства сообщила, что ее муж, генерал, был где-то на совещании у высшего руководства и там решили не печатать книги на «антисталинскую» тему. Но сорок процентов гонорара уже получено! Договорились, что Шапиро напишет книгу «Закон есть закон», и изменили договор.

На празднование какого-то Нового года мы собрались у Альтшуллера: он с Журавлевой и я с супругой. После двенадцати я попросил Альтшуллера рассказать что-нибудь. «Я расскажу вам книгу, которая сидит во мне, – начал он, – и которую я никогда не напишу...»

Рассказ длился до утра, он перемежался тостами и закусыванием и был очень интересным. К сожалению, я ничего не записал – не думал, что буду писать об Альтшуллере.

Где-то в начале семидесятых школа изобретательства была пре-

образована в Азербайджанский общественный институт изобретательского творчества (АзОИИТ). Теперь можно было платить преподавателям. Альтшуллер подобрал преподавателей из числа своих учеников. Программы, действовавшие в школах изобретательства, были расширены, ввели патентоведение и использование физических эффектов.

К этому времени его методика изобретательства, названная им АРИЗ – алгоритм решения изобретательских задач, прошла хорошую проверку. Тысячи изобретателей успешно применяли АРИЗ, начиная с 1959 года. Сам Альтшуллер проанализировал около двадцати тысяч описаний изобретений. Все это позволило откорректировать АРИЗ и расширить его возможности, и Альтшуллер создал ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. Теперь можно было обучать изобретательству во всей полноте.

На открытие этого общественно-института пришло более сотни ребят и много родителей.

«Вы пришли сюда, чтобы стать изобретателями, – начал свое выступление Альтшуллер. – Вам хочется делать изобретения, которые прославят ваши имена. Но вас ожидают большие трудности. У вас будут неприятности по службе. Вами будет недоволено начальство. У вас ухудшится характер. От вас уйдет жена. Вы часто не будете иметь нужных денег. Вот какие невзгоды ожидают вас на этом трудном пути.

Книги по ТРИЗ изданы в США, Болгарии, Великобритании, Вьетнаме, Германии, Финляндии, Франции, Швеции, Японии...

Пока не поздно, подумайте: следует ли вам учиться изобретать?»

Примерно таким было его обращение к пришедшим. И ни один из них не ушел. Все с восхищением слушали Альтшуллера. Один за другим выходили его ученики по вчерашней школе изобретательства и восторженно выражали свои чувства к Альтшуллеру, к этому необычному педагогу, преподающему им необычную дисциплину. Мы, его друзья, переживали радостное чувство. Это был триумф. Это была плата за его двадцатилетний упорный труд. Академик Мирзаянзаде, который сам добился всего благодаря упорному труду, сказал, что преклоняется перед упорством Альтшуллера. Ведь надо было преодолеть гигантскую косность бюрократических организаций, самодовольных и заносчивых чинуш, всех препятствующих антисемитов.

Занятия в АзОИИТ сопровождались контрольными, курсовыми и дипломными работами. Проверял все работы сам Альтшуллер. Если еще учитывать писательскую

деятельность, чтение и критику выходящих произведений научной фантастики, чтение и написание ответов на бесчисленные письма, то станет понятно, какую гигантскую работу вел в те годы Альтшуллер. Теперь он уже физически не мог ездить на все семинары, на которые его приглашали. Он посылал своих учеников.

Как-то в разговоре затронули вопрос пенсии. «Придет время, когда ты уже не сможешь так работать, – сказал я. – Кто будет платить тебе пенсию?»

Он ответил: «Никто. Потому что, когда я не смогу работать, я не смогу жить, и пенсия тогда мне не будет нужна».

Альтшуллер избегал политических разговоров и ничего не писал для «самиздата», хотя ему присылали некоторые материалы. Так, например, ход суда над поэтом Иосифом Бродским, записанный писательницей Фридой Вигдоровой, я прочел у Альтшуллера. Он считал, что КГБ может вновь начать сажать людей за политическое инакомыслие. И вот факт.

Как-то по окончании семинара в Академгородке Новосибирска один из присутствовавших дал ему рукопись своей книги для оценки. В поезде Альтшуллер понял, что эта книга подпадает под статью «антисоветская пропаганда», пошел в туалет и смыл ее через унитаз. Через полгода пришел человек

из КГБ, рассказал все об этой рукописи и попросил Альтшуллера впредь не выбрасывать такие материалы, а передавать их им. Альтшуллер категорически отказался: «Как вы можете просить меня стать доносчиком. Вы же знаете, что из-за доносчиков меня посадили на 25 лет и, в сущности, у меня отняли пять лет жизни. Я ненавижу доносы и никогда никому не испорчу жизнь». Больше из КГБ к нему не обращались...

Вскоре начали уезжать евреи из СССР. Было очень трудно получить разрешение на выезд. Одних не выпускали из-за секретной работы, других – из вредности, чтобы не смогли улучшить свою жизнь, третьим просто не верили, что люди бегут от антисемитизма и от плохой жизни. В 1979 году и наша семья собралась переезжать в Израиль. Когда я предложил Альтшуллеру присоединиться к нам, он ответил: «Я русский писатель в возрасте и, как бы ни старался выучить иврит, я никогда не смогу хорошо писать на нем. Кроме того, я почти тридцать лет учу изобретательству и имею определенную аудиторию в СССР. Там, в Израиле, надо начинать с нуля. А материальные блага меня не интересуют. Я останусь здесь».

Мы уехали. Сначала наша переписка была интенсивной. Затем стала ослабевать, а через десять лет прекратилась совсем...

1989 год, город Петрозаводск – на съезд Ассоциации ТРИЗ собрались ученики Г. С. Альтшуллера. Сегодня благодаря их усилиям о ТРИЗ знает вся планета.